

РУССКИЕ ПИСЬМА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЯРОСЛАВСКОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ

В центре внимания данной статьи — письма русских солдат Первой мировой войны, призванных, в основном, из Ярославской губернии. Описана история формирования коллекции этих писем в Ярославском музее-заповеднике. Автор представил итоги ее систематизации, дал анализ текстов как исторического источника.

«Век 1914-го года» — такое определение нередко можно встретить для обозначения прошлого XX столетия. Акцент на этой дате неслучаен. Вспыхнувшая 1 августа 1914 г. Первая мировая война не просто перекроила политическую карту мира, но послужила определяющим событием для хода мировой истории. Именно Великая война подвела черту под традиционными сословными монархиями XIX в. и заложила основу для национальных государств нового типа. Впервые на мировую арену вышли многомиллионные массы населения. Они, сражаясь на фронтах Первой мировой войны, стали основной ударной силой европейских государств. Они же приняли участие в обустройстве новой Европы. Бывшие фронтовики активно включались в политическую борьбу. Часть из них выступила на стороне левореволюционных сил, приняла участие в революциях в России, Баварии и Венгрии. Другая часть уходила в противоположный лагерь — в германские фрайкоры, итальянские фашистские отряды и Белое движение в России. Утверждавшиеся в Европе режимы опирались на опыт Первой мировой войны и приобретали ее характерные черты — мобилизация масс, большая роль государства в организации народной жизни, апелляция к коллективным ценностям, авторитаризм в управлении. Это характерно было и для России, особенно в 1930-е годы. Несмотря на антивоенную риторику большевиков во время Первой мировой войны, после прихода к власти новый режим очень быстро милитаризировался. Тогда же по-

сле окончания войны и подписания Версальского мирного договора были заложены предпосылки для будущей Второй мировой войны, которая напрямую определила облик современного мира.

Несмотря на огромное влияние, которое Первая мировая война оказала на XX в., долгое время ей не уделялось должного внимания в отечественных музеях. В Советской России она рассматривалась лишь как одна из причин революции и предтеча Гражданской войны, которая, наряду с Великой Отечественной войной, занимала центральное место в советском мифе и, соответственно, в советских музеях. Первая мировая вытеснялась из народной памяти событиями 1918—1922 гг., которые по понятным причинам были более важны для советского государства. Показательно, что у нас в 1920—1930-е гг. не было написано ни одного крупного литературного произведения, сравнимого по масштабу со «Стальными грозами» Эрнста Юнгера или «На Западном фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка, не было снято художественных фильмов, рассказывающих о подвигах и окопной жизни фронтовиков. Почти полностью тема Первой мировой ушла в область академической истории и военной прикладной науки.

Более активно к теме Первой мировой войны в отечественных музеях обратились лишь накануне 100-летия с ее начала. Не исключением был и Ярославский музей-заповедник. В 2013—2014 гг. была проведена работа по выявлению и изучению музейных предметов, связанных с темой Первой мировой войны. В ходе ее удалось выяснить, что, несмотря на отсутствие ранее целенаправленного комплектования по данной теме, в фондах музея оказалось довольно много предметов по этой войне (более 1000 ед.). Параллельно осуществлялось пополнение музейного собрания предметами от частных владельцев. Результатом проделанной работы стала выставка «Первая мировая — взгляд сквозь столетие», открытая в Ярославском музее-заповеднике в августе 2014 года. В основу показа был положен военно-антропологический подход. Он позволил взглянуть на Первую мировую войну глазами ее участников. Благодаря представленным на выставке фотографиям и личным вещам, оживал облик солдат и офицеров той далекой от нас войны, а их письма давали возможность приблизиться к пониманию

того, что они чувствовали, что переживали и на что надеялись, сидя в окопах на передовой или находясь со своим полком в тылу. Солдатские письма при этом являются не просто хорошим инструментом для погружения посетителей в тему, но и ценным источником по военной антропологии и военной психологии.

Эти направления, как и интерес к солдатским письмам, являются относительно молодыми для отечественной науки, хотя у данного интереса есть своя более давняя предыстория. Еще в 1920—1930-е гг. в СССР вышел ряд работ, содержащих характеристику и анализ солдатских писем Первой мировой войны¹. В них письма солдат рассматривались с точки зрения наличия недовольства положением дел в армии и революционизации солдатских масс. Необходимость анализа писем в данном ключе отмечал еще до окончания войны В. И. Ленин, надеясь применить такие знания при организации пропагандистской работы в войсках: «Пожалуйста, присылайте нам, по использованию, письма пленных: надо же следить за настроениями, требованиями, мнениями и т. п.»². Параллельно изучение психологии солдата Первой мировой войны велось в среде русской эмиграции бывшими офицерами императорской армии Н. Н. Головиным³, П. Н. Красновым⁴, Р. К. Дрейлингом⁵ и др. Старые военные специалисты, решившие остаться в СССР (Г. Ф. Гирс, П. И. Измestьев⁶, А. Е. Снесарев и др.), также затрагивали отдельные сюжеты, связанные с психологическим состоянием солдата. Позднее, следуя военным традициям, заданным военными специалистами, военно-психологические исследования на долгие десятилетия практически полностью ушли внутрь военного ведомства и, как следствие, полностью ограничились узкоутилитарным аспектом⁷.

Только с середины 1990-х гг. военно-психологические исследования начали входить в сферу интересов отечественных историков. А на рубеже тысячелетий мы уже можем наблюдать настоящий взрыв интереса к «человеческому измерению войны»⁸. Тогда же вышел ряд работ по письмам и военной психологии русских солдат Первой мировой войны⁹.

В центре внимания данной статьи находятся русские письма солдат Первой мировой войны (в основном призванных из Ярославской губернии), хранящиеся в Ярославском музее-заповеднике.

Цель работы — определить состав коллекции русских писем Первой мировой войны в Ярославском музее-заповеднике и раскрыть их содержание как военно-антропологического источника. При этом важными проблемами представляются изучение истории комплектования и состав коллекции; показ зависимости содержания письма от места человека на войне; определение содержания письма в военно-психологическом аспекте.

Первые русские письма Первой мировой войны в фондах Ярославского музея-заповедника появились в 1955 г., когда были поставлены на учет четыре письма Д. С. Закгейма 1914—1915 гг. Хотя он не был фронтовиком, а был еврейским беженцем из Западной Белоруссии, переехавшим в Ярославль, спасаясь от ужасов войны, его письма представляют для нас интерес, потому что показывают настроения определенной части населения в тылу. Первые письма из действующей Русской императорской армии поступили в музей через два года — в 1957 г. — вместе с коллекцией Павла Васильевича Бугрова. Это переписка его сына Г. П. Бугрова с действующего флота со своими родителями, братом и сестрой (40 ед. хр.).

Всего за 60 лет (с момента первого поступления и до наших дней) в фонды музея попало около 220 писем. Причем только 11 из них составляют письма, собранные в ходе целенаправленного поиска предметов по Первой мировой войне у частных лиц (во время подготовки выставки «Первая мировая — взгляд сквозь столетие» в 2013—2014 гг.). Все остальные письма попали в музей «случайно» вместе с другими документами и предметами.

Наибольшее количество писем (131 ед.) пополнили фонды музея во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. Значительную их долю (118 ед.) составляют солдатские письма Р. А. Крылова жене, переданные музею в 1986—1987 гг. его дочерью В. Р. Фоксенковой. Хронологически эти письма охватывают период с 1914 г., когда Р. А. Крылов мобилизован, и до октября 1917 г., т. е. до выхода России из войны после принятия новым большевистским правительством «Декрета о мире». Такой временной охват и количество писем в коллекции дают богатый материал, позволяющий проследить путь простого солдата из крестьянской семьи на протяжении всей войны, выявить через

содержание письма его восприятие себя на войне и перемены эмоционально-психологического состояния, узнать о деталях солдатской повседневности.

Помимо вышеупомянутых в фондах Ярославского музея-заповедника, есть следующие личные коллекции русских писем Первой мировой войны: письма из немецкого плена ст. унтер-офицера Станислава Кузяка (5 ед.); письма из плена Кондратия Гужова (4 ед.); письма военнопленному Федору Прянишникову (7 ед.); письма Анатолия Лохницкого, младшего офицера 211-го пехотного запасного батальона в Ярославле (12 ед.); письма Сергея Патрикеева (3 ед.); письма из действующей армии Елене Головачевой (3 ед.).

Остальная часть писем в фондах представляет собой совокупность эпистолярных источников от разных авторов и предназначавшихся разным адресатам.

Большинство писем (если известен источник поступления) попало в музей от родственников или потомков участников и свидетелей Первой мировой войны. Исключение составляет коллекция русских писем (8 ед.), приобретенная в 2013 г. у частного коллекционера, председателя клуба коллекционеров «Волгарь» С. А. Волнухина, и коллекция писем А. Лохницкого, подаренная музеем к 1000-летию Ярославля М. А. Тимофеевым.

Существует ряд факторов, которые влияют на содержание письма. Часть из них накладывает ограничение на текст письма, другая часть влияет на духовный облик солдата и внутреннее содержание письма. К первой группе относятся военная цензура, уровень грамотности автора, качества его характера, готовность доверить свои чувства и переживания бумаге. Вторая группа включает место и время написания письма, ход боевых действий, социальное происхождение автора, полк, в котором он служил, и др.

Во время Первой мировой войны контроль за содержанием солдатских писем возлагался на военных цензоров. Военная цензура была необходима для предупреждения шпионажа в любой форме, отслеживания настроений в армии и пресечения распространения «вредной» информации в государстве. Указом от 20 июля (2 августа) 1914 г. императором Николаем II вводилось «Временное положение о военной цензуре», которое предусматривало военную цензуру всех почтовых отправок

ний, в том числе и телеграмм, за исключением корреспондентов лиц императорской семьи, а также дипломатических и консульских представительств иностранных. В качестве главного цензорского органа была создана Главная военно-цензурная комиссия при Главном управлении Генерального штаба. В состав комиссии вошел член от Главного управления почт и телеграфов. Местные военно-цензорные комиссии создавались при военно-окружных штабах. В их состав также в обязательном порядке входил представитель от почтово-телеграфного ведомства. Обязанности военных цензоров возлагались на членов местных комитетов по делам печати или лиц, наблюдавших за печатью, и на чинов почтово-телеграфных учреждений. Главным центром военной цензуры во время Первой мировой войны был Петроград¹⁰.

Ст. 1 Положения призывала «не допускать объявления и распространения путем печати, почтово-телеграфных отношений, прокламаций и докладов, которые могли навредить военным интересам государства». Ст. 6 и 7 устанавливали два вида военной цензуры: полную и частичную. Полная вводилась на театре боевых действий. Введение частичной цензуры находилось в юрисдикции начальника военного округа. Вскрытие почтовых отправок осуществлялось в присутствии военного цензора и двух чинов. Почтовые отправления и телеграммы просматривались в помещениях учреждений почтово-телеграфного ведомства (ст. 50). На обертках раскрытых простых писем делалась отметка «Вскрыто военной цензурой» с приложением именной печати военного цензора (ст. 51)¹¹. Обязательно проверялись все письма, отправляемые из плена, поэтому почтовые карточки из плена, хранящиеся в фондах Ярославского музея-заповедника, имеют штампы военных цензоров. Насколько серьезной была проверка писем из прифронтовой зоны и тыла, попавших в фонды музея, судить проблематично, потому что лишь небольшое их количество было принято на учет вместе с конвертами. Что касается открытых писем из коллекции, то они в подавляющем большинстве не имеют цензорских штампов. Это можно объяснить их непопаданием под полную цензуру, что делает из них более ценный источник по военной антропологии Первой мировой войны.

Одним из важнейших факторов, определяющим духовно-психологический облик солдата, является его место на войне.

Тематически все письма по месту написания можно разделить на следующие: с фронта, из плена и из тыла. В последнюю категорию входят письма от солдат, находившихся в резерве армии, и письма, полученные солдатами от родных. Наибольшую редкость в фондах музея представляют вторые (чуть больше десятка), что объяснимо — сложно было солдату в условиях ведения боевых действий сохранить и пронести письма через войну. Каждое место написания письма соответствует жизненной ситуации, в которой оказался его автор — в условиях боя, в ожидании схватки с врагом, в плену или в глубоком тылу. Анализируя текст письма, мы можем говорить о духовно-психологическом состоянии его автора в разных ситуациях, что является одним из наиболее важных показателей, от которого зависит успех ведения войны. Более того, именно человеческий потенциал, как правило, оказывается ключевым в войне. В духовно-психологическое состояние, определяющее «качество» комбатанта, входит и отношение населения к войне (воинственность или миролюбивость), и отношение к правительству (лояльность или недовольство), и отношение к собственной стране (патриотизм или симпатия к стране врага), и устойчивость представителей данной культуры перед лицом смерти, что во многом зависит от религиозных установок, этнокультурных традиций и др. Все эти составляющие принадлежат к числу ключевых явлений, определяющих в конечном счете исход войны, победу или поражение. Еще Наполеон заметил, что на любой войне успех на три четверти зависит от данных морального (духовного) порядка и только на одну четверть от материальных сил¹².

Несомненно, в наиболее сложном положении находятся солдаты на передовой, которые имеют прямое соприкосновение с войной. Они на себе чувствуют все риски, связанные с войной, вплоть до возможности быть убитыми, напрямую ощущают тяжелые бытовые условия окопной жизни. Вместе с тем солдаты, имеющие регулярный боевой опыт, являются более устойчивыми с моральной точки зрения и более дисциплинированными, готовыми удерживать свои позиции, даже когда бой складывается не в их пользу, а в ближайшем тылу уже началось отступление¹³. Перед лицом непосредственной опасности меняется привычное ощущение мира, человек на-

чинает воспринимает смерть не как что-то отдаленное, а как реальность здесь и сейчас. Отсюда меняется и его понимание себя в этом мире, поведение в момент ведения боя. Перед человеком раскрывается его «присутствие» в мире, погруженность в бытие. Этому, как отмечал немецкий философ Мартин Хайдеггер, убедительнее способствует «смерть других. Окончание присутствия становится тут “объективно” доступно. Присутствие способно, будучи тем более по существу событием с другими, иметь опыт смерти. Эта “объективная” данность смерти должна тогда позволить и онтологически очертить целостность присутствия»¹⁴. Трансформация сознания человека после боя просматривается по письмам Первой мировой войны.

Вот как описывает боец 16 роты 273-го Богодуховского полка свой настрой в ожидании очередной схватки с немцами: *«Мы окончательно узнали, что наш полк дерется с немецкими гренадерами и притом успешно. Каждую ночь приходится отражать их штыковые атаки. Говорят, что перед нашими окопами находится масса немецких трупов. Только каски блестят. Зарыть нельзя, ибо их окопы находятся от наших только в 300 шагах и нельзя даже головы из окопа высунуть... Лавры германцев не дают мне покоя. Не успокоюсь, пока не добьемся теплых объятий немок...»*

Письмо это предназначалось женщине дворянского происхождения. Конечно, уже этим можно объяснить бравурный стиль, с помощью которого автор хотел произвести на даму впечатление. Но вряд ли причина такого содержания письма была только в этом. В тексте письма чувствуется легкость, по-настоящему гумилевское упоение войной, которое могло быть обретено после успешных коротких стычек с неприятелем, когда чувство опасности переплетается со вкусом побед над противником. К сожалению, в фондах музея это единственное письмо автора, поэтому мы не можем проследить изменения состояния автора и его судьбу на протяжении войны. Зато такой материал дают письма Григория Бугрова и Романа Крылова.

Вот как Григорий Бугров описывает свои впечатления от пребывания в армии в первые месяцы мобилизации: *«Первые дни ходил... часто плакал, но делать было нечего. Теперь стало привыкать»*¹⁵. У него же мы встречаем впечатления от быта на действующем военном флоте: *«Мне жить хорошо... Никогда*

так не спали, как здесь спим на простынях. Одеяла хорошие, матрасы и кровати, и подушки, все хорошо жить... Пишите, кого взяли в солдаты...»¹⁶

Такое внимание к деталям быта, впечатление от хороших условий сна говорит нам о пребывании автора в «состоянии мира». Он еще все тот же крестьянин, который просто сменил место жительства и род занятий. Да, он тоскует по родным, но, возможно, он точно также тосковал бы, находясь в Петербурге на заработках. Все меняется после его первых боев: «Вечером 12 сентября и в ночь на 13 сентября у нас происходила всю ночь канонада, так что не пришлось отойти от рубки, все время шла стрельба. Потом прилетели немецкие Цеппелины, бросили много бомб, но без результатов. Так что и день не пришлось скрыть глаз целые сутки. Но все ничего. Только, пожалуйста, вы обо мне не заботьтесь. Буду жив, так письма писать буду, как и пишу, а погибну, то вам скоро известят. У нас не в армии, справки скоро приходят...»¹⁷

По этому отрывку мы видим, что у автора появляется определенное равнодушие к своей жизни, смерть становится формальностью, о которой известят «справкой». Здесь проявляется и русский фатализм, вера в то, что судьба предначертана, а значит и беспокоиться не о чем. Такие же настроения, характерные для солдат из крестьян, мы встречаем у «несущего свой крест» Романа Крылова. У него же чувствуется и общая усталость от войны, ощущение бессмысленности происходящего: «Спешу уведомить тебя милая Поля, что я по милости Создателя жив, но только очень плохо так, что иной раз не рад тому, что жив...»¹⁸ «Довольно пожил. Может быть и помирать можно. Война идет хорошо, только в газетах бьют немцы наших, бьют и наши немцев. Народ валят, а толку нет никакого...»¹⁹

Война как «чаша страдания» представлена в следующем письме, отправленном из-под Львова в конце 1914 г. солдатом 81-й пехотной дивизии²⁰ А. Ф. Рябовым: «Я все еще жив, но переносу чашу страдания, только допью ли до конца. На свободе черкните мне, этим облегчите мои страдания и развеете грустное настроение, в котором я постоянно нахожусь»²¹.

Отношение к войне, как к испытанию, посланному по воле Бога, мы встречаем в письме отца Р. Крылова: «Прошу тебя,

служи Родине. Бог привел тебя защищать, что так и должно быть. Это Бог тебе дает испытание...»²²

Необходимость следовать своему пути служения Родине и не отступать от него мы видим в письме родителей Григорию Бугрову: «Желаем от Господа Бога доброго здоровья и желаем, чтобы ты был верный и честный солдат своему долгу службы Царской и смелый защитник Родины. Этим ты успокоишь сердце родителей...»²³ И там же: «Павел Васильевич Хортев и Михаил Буров приезжали домой 3 ноября. А отпуска у них никакого не было. Они говорили, что их отпустил Боцман, до 10 ноября. А отец его Василий Константиныч не поверил этому, пошел, заявил в правление, а потом увез на станцию Уткино и уехали обратно в Архангельск. Так что не пришлось и ночевать дома. Так вот, Гриня, не приезжай без форменного отпуска от начальства»²⁴.

По своему содержанию отличаются письма, отправляемые из резерва армии, хотя есть много общего. Все они содержат «приветы» и пожелания здоровья своим родным и друзьям. Этим традиционно начинается письмо. Отличия же текста связаны с самим различием пребывания на фронте и в тылу. Находясь в тыловом резерве, человек пребывает в более спокойной, лишенной стрессов боевых действий обстановке. Жизнь течет размеренно, каждый день казарменной или лагерной жизни похож на предыдущий. Возникает скука, но при этом у человека есть больше свободного времени, когда он может погрузиться в воспоминания о мирной жизни в своем городе или деревне. Письма наполнены тоской по «счастливым дням» до войны, сетованием на свою. «О, Боже мой, что у нас теперь в нашей семье делается, подумать страшно, все мои заветные мечты, все из-за чего пришлось биться целую жизнь, все разлетается прахом. Извивался, ухитрялся, чтобы не погубить свою жизнь, потому что она мне нужна была для семьи. Ну что же получилось, получилось то, что человек предполагает, а Бог по своему распоряжается. Только все дело в том, что теперь никто никакого горя не признает, разве тебе легко пережить такую тяготу жизни...»²⁵, — читаем у Р. Крылова. Другое его письмо жене домой: «Писать, милая Поля, не знаю что. Одно только, что очень скучно и все надоело. Если бы теперь увидеть тебя, милый Полюнчик, посмотреть хоть минутку. Я теперь живу

прошлым. Вспоминаю, что было за несколько месяцев, милая Поля. Война должно быть и не кончится...»²⁶

Пишет он в таких письмах и о различных подробностях солдатской повседневности: «Стоим сейчас в землянках. Вшей много довольно, хлеба едим до сыта, спим тоже чуть не до сыта, а там что будет на Покрове, собираемся домой, если будем живы»²⁷. «Стоим сейчас в одной турецкой деревне, помещаемся в халупах. Кормят нас по сравнению с прошлым великолепно: хлеба довольно, чаю, сахару много, и я мог бы уделить Вам часть своей порции»²⁸.

Последнее письмо относится к ноябрю 1916 года. На тот момент его автор был переброшен на Кавказский фронт и продолжал службу в составе 3-й роты 221-го запасного пехотного полка в г. Батум, о чем свидетельствует штамп на одном из отправленных писем. Довольно любопытными в письме являются сведения, касающиеся снабжения армии продовольствием в этот период, учитывая, какие сложности в это время испытывала страна.

Если Р. Крылов большую часть войны находился в прифронтовой зоне (сначала на территории Белоруссии, а затем на Кавказе), то другой участник войны, чьи письма хранятся в фондах музея, Анатолий Лохницкий, одно время (декабрь 1914 — февраль 1915 г.) находился в глубоком тылу — в г. Ярославле. Его письма рисуют яркие картины службы младшего офицера в этом городе во время Первой мировой войны. Вот как он, например, описывает свой военный быт: «Живу в комнате в одно окно, в двухэтажном доме с красной крышей. Мое единственное окно выходит на башню. По этой башне я только и вздумал искать на карточке свою обитель. Живу я в квартире в пять комнат, у своего товарища офицера — командира 3 взвода уч. ком. Он женат, имеет ребенка. За мною ухаживают во всю. Есть прислуга и два деньщика. Цены я писал Вам. Кормят хорошо. Каждый день молоко, кофе, какао и чай на выбор. Молоко очень хорошее, кофе и какао тоже. Чай обыкновенный. Перед обедом и ужином закуска — ветчина, холод. телятина и сыр. Обед из 3-х блюд. Все вкусно, сытно и здорово. За бельем и т. д. смотрит супруга товарища, т. е. ни мне, ни ему не приходится о чем-нибудь беспокоиться. Носков достаточно. Продырявил я красные вязаные — их мне хозяйка заштопала. Живу я как у

Христа за пазухой. Ни с кем особенно не дружусь, знакомых нет, да и некогда. Работы много, но работа живая, интересная. Дежурства, за некомплектом офицеров части, по 3 раза в месяц по крайней мере, а от занятий не освобождают. Приходится туговато: и мясо свидетельствуй, и лекции читай, конвой к пленным наряжай, осматривай шаровары и сапоги, и т. д. Вечером и ночью я читаю учебники (к лекциям) уставы и газеты, книги, журналы»²⁹.

Другую группу писем из Ярославля составляют письма, отправленные в плен Л. Прянишникову. Как правило, такие послания были очень лаконичными и содержали новости от родных, перечень посылаемых в плен продуктов (так в одном письме упоминаются «кулич — домашнего печенья, колобки, какао, конфеты и от мамы — халва»). Для 1917 г. встречается реакция на происходящие в стране революционные изменения: «У нас большая новость — старую власть сменили, всех министров в крепость посадили, новая власть — члены Государственной Думы, все проходит в большом порядке, полицию временно арестовали, Шуру пока посадили в Коровники. Вот когда понял народ и войска измену старой власти. Царя Николая II с престола свергнули. Сегодня весь город наш был на манифестации вместе с войсками, народ в восторге, войска тоже, порядок образцовый. Да здравствует новая власть, свободная Россия!»³⁰.

К слову, Февральскую революцию поддержали и родители Григория Бугрова. Выше мы приводили отрывок, где они призывали его исполнять «долг службы Царской». К началу 1917 г. они на волне революционных событий меняют свое отношение к самодержавной России: «Спешим поздравить тебя Гриня с новым правительством и новым строем жизни, гражданской, и победой старого правительства, и строй несправедливой жизни, и благодарим Бога о сохранении твоей жизни, в столкновении с полицией старого строя. Наверное, у вас Гриня скоро будет новая присяга новому правительству. Одним словом, все перестраивается, как у вас, так и у нас»³¹.

Что ответил Леонид Прянишников на посылаемые ему в плен письма, мы не знаем. Его ответов в фондах музея нет. Зато музей обладает коллекцией писем другого военнопленного — старшего унтер-офицера Станислава Кузяка. Он содержался в

Германии в лагере для военнопленных рядом с городом Циттау в Саксонии. Его письма написаны на открытых почтовых карточках. В них нет никакой информации об условиях содержания или повседневности русского военнопленного, о чем, вероятно, лагерной администрацией запрещено было писать. В основном текст письма состоит из перечня полученных продуктов и вещей. По этим перечням и повторяющейся в них позиции мы можем сделать вывод о том, что чаще всего посылали военнопленным. Это сухари, табак, чай, сахар, соль, мыло, бумага, белье.

Отдельной категорией выступают письма беженцев из западных губерний Российской империи, вынужденных оставить свои дома по мере смещения линии фронта на Восток. В фондах Ярославского музея-заповедника таких писем четыре. Все они принадлежат Давиду Закгейму. Он родился в 1895 г. в еврейской семье в местечке Свислочи Гродненской губернии. В 18 лет примкнул к революционному движению, за что подвергся непродолжительному аресту. В 1915 г., освободившись из заключения, он переехал в Ярославль. По времени это совпало с Великим отступлением русской армии. В Ярославле Закгейм устроился работать часовщиком. Все четыре письма, хранящиеся в фондах музея, предназначались девушке по имени Мария, вероятно, его возлюбленной. Они наполнены лиризмом и сожалением по поводу вынужденного расставания, а также свидетельствуют об отношении автора к войне.

В целом вся коллекция русских писем Первой мировой войны (порядка 220 ед.) дает богатый источниковедческий материал по Первой мировой в военно-антропологическом и военно-психологическом аспектах. Большинство писем поступили в музей во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг., в основном от родственников участников и свидетелей Первой мировой войны. Наиболее полной и ценной является коллекция писем Р. А. Крылова, позволяющая проследить его путь на протяжении всей войны и проанализировать на основе содержания писем изменения в его духовно-психологическом облике. Вся коллекция писем музея позволяет проследить зависимость содержания письма от места человека на войне — на фронте, в тылу или плену, что мы старались отразить в данной статье. Перспективным будет продолжить анализ писем,

уже с более дифференцированным подходом в соответствии с другими факторами, влияющими на состояние солдата и, как следствие на текст письма (сословие, род занятий до войны, уровень образования, полк и др.). Актуальности же военно-антропологические и военно-психологические исследования не потеряют никогда, потому что войны всегда сопровождали и будут сопровождать человечество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахун М., Петров В. Голоса из окопов (солдатские письма 1915—1916 гг.) // Красная летопись. 1928. № 1 (25). С. 112—118; Гелис И. Р. Революционная пропаганда в армии в 1916—1917 гг. // Красный архив. Т. 4. 1926; Чаадаева О. Солдатские письма в годы мировой войны (1915—1917 гг.) // Красный архив. Т. 4—5. 1934; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. Солдатские письма 1917 г. М. — Л., 1927.

² Ленин В. И. ПСС в 55 томах. Т. 30. С. 540. М., 1973.

³ Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938.

⁴ Краснов П. Н. Душа армии. Очерки по военной психологии. Берлин, 1927.

⁵ Дрейлинг Р. Г. Военная психология. Белград, 1935.

⁶ Измestьев П. И. Очерки по военной психологии. (Некоторые основы тактики и военного воспитания). Пг., 1923.

⁷ Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4.

⁸ Там же. С. 137.

⁹ Маркевич А. М. Солдатские письма в центральные Советы как источник для изучения общественных настроений в армии в 1917 г.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2002; Абдрашитов Э. Е. Источники личного происхождения по истории российских военнопленных Первой мировой войны: Дисс. канд. ист. наук. Казань, 2003; Злоказов Г. И. Солдатские письма с фронта в канун Октября // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 37—46; Локтева Н. А. О чем рассказывают письма с фронтов Первой мировой: (По документам Госархива Самарской области) // Эхо веков. 2005. № 1. С. 31—35; Смурова А. В. Крестьянин — солдат накануне и в годы Первой мировой войны: (По материалам переписки крестьян Костромской губернии). Кострома, 1998; Сенявская Е. С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140—145; Сенявская Е. С.

Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7—15; *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000.

¹⁰ *Миронова И. С.* Военная цензура почтовой корреспонденции Одесского почтово-телеграфного округа в период Первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1 (23). С. 54—55.

¹¹ Там же. С. 55.

¹² *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

¹³ Точное замечание по этому поводу мы встречаем у французского генерала Бернарда Серини, с которым соглашается русский генерал-лейтенант Н. Н. Головин, автор монументального труда «Военные усилия России в мировой войне»: «Кризис недоверия начинается всегда среди тех, которые не сражаются. Мармон в своем “Духе военных учреждений” рассказывает, что бегство всегда начиналось среди солдат последних рядов фаланги. Этот случай повторялся на полях сражения во время мировой войны: обычно писаря и чиновники всякого рода первые бросали свои посты. Да и было бы удивительно, если бы было иначе, потому что менее приученные к боевым переживаниям, менее дисциплинированные, а главное менее поглощенные битвой, эти люди слабели духом гораздо раньше своих товарищей, непосредственно ощущавших реальность боя». (General Serigny. *Reflexions sur l'art de la guerre*. Paris, Lavauzelle, 1921. P. 42—46).

¹⁴ *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 2013. С. 237.

¹⁵ ЯМЗ-18152/249.

¹⁶ ЯМЗ-18152/243.

¹⁷ ЯМЗ-18152/277.

¹⁸ ЯМЗ-58246/31.

¹⁹ ЯМЗ-54013/5.

²⁰ Сформирована в июле 1914 года из кадров 46-й пехотной дивизии. Штаб последней находился в Ярославле. Вошла в состав 4-й армии Юго-Западного фронта. «81-я пехотная дивизия, двинутая из-под Перемышля в Карпаты, понесла там в апреле 1915 года полное поражение и всю войну считалась не из бойких» (*Керсновский А. А.* История Русской армии. В 4-х т. М., 1999).

²¹ ЯМЗ-65778.

²² ЯМЗ-58246/5.

²³ ЯМЗ-18152/239.

²⁴ Там же.

²⁵ ЯМЗ-54013/4.

²⁶ ЯМЗ-58246/2.

- 27 ЯМЗ-58246/15.
- 28 ЯМЗ-58246/59.
- 29 ЯМЗ-65457/7.
- 30 ЯМЗ-57062/170.
- 31 ЯМЗ-18152/240.

УДК [069.5:39+069.4+069.53](470.316)